

Все улицы все были затоплены народом,
словно в какой-нибудь большой престоловой
храм. Даже те, кого не задевала людина-
зация, никто не вселял в поле. Все телами
правозитте свои односторонней. Проститте,
помилуйте здоровя и благополучно вернутся
дрой.

Все улицы, все там было, но это су-
мяне не было предостережением, оно не было по-
же ни на какие другие стороны не пошло.
Ни среди любителей музыки, ни среди их работ-
ственников, не было особенно ни забавливших
старинных, провозосных, песни, ни задорной
накски. Песня и слезы драмы своей. Скажи
на тропинку за эти квадратные территории,
сколько перемит материнского зорь?
дождется ли матери сама далеко, откуда
ли нежна своего мило, дождется ли дети
отца? Об этом сегодня никто не скажет.

Студия жаркая безветренная погода.
В небе как одышка. Воздух как камень
цотной цинковой пылью. Время пробки -
малого к отставке. Как площадь затоп-
лена место для сверкающего людина.
Ка комитетом издаются редкие удары в
толщина колоколо.

Возвращая старинных Котории и
Церковней старинных Просток людина
Орлом расставленных стоек, махают

место куда и какие поставит шпона.
Враспеко готовил кадулю, раздувая в нем
горящие угли, тогда бы просачив в них ладан.
Вот из церкви вынесли иконы. Отца Павла,
облачившись в рясу, идет следом за ними,
идут певчие.

Пришла Мако сопрово-
ждать крестные звонки во все колокола.
Богослужение началось. Как многолюдье
подражи Хартоу. Мужики спешили к себе
к себе уборки и становились ктн-зар.
Кутья в ступорке, видимо дня майского
порядке, етоды урядник и несколько часов
вотских.

По Кривовской, Мако-Середкиной, Ката-
рушиной и других дорогах стали выносить
Хартоу. Эхали мобилизованные и их семьи.
Все следом к какому месту.
Так было приказано местной властью.
Почти все мобилизованные были изрядно ве-
ривши. Кто сам подходит к месту выноса,
кто сам под рукой.

На столе, против отца Павла лежал
большой серебряный крест с распятием
Иисуса Христа, а рядом с ним стояли два
больших медных дала, в которых моби-
лизованные и все присутствующие просили
денеги и износили крест.

Можу верить, что макодем - это
такая сверхъестественная дотия сама,
которая сохранит от руки на войне

05

и эти жертвоприношения увидит господь-
Бог и защитит Царя и Отечество.
Богослужение было в полном разгаре, а по-
дорогом всё ехало и ехало мобилизованные.
Слышались песни, слышались гармошки, а
попугвая к площади всё враз ехало.
И вот когда отец Павел провозгласил:

«Нашему императору Николаю Алек-
сандровичу Многоая Летта!»

В этот момент кто-то крикнул:

«Долой Царя! Во здрав-
ствует революция!»

Урядник, услышав этот крик, кинулся
было в толпу народа хватать кого кри-
чал и немедленно взят по стирату, но
мобилизованные преградили ему путь. Так
и отполз по хватке, кто кричал.

Старшина Кокорин и Отец Павел
переглянулись и поняли, что с мобилизованными надо
козотить. И джвадько через две мину-
ты богослужение было закончено.

Мобилизованные солдаты прощались
с родными, садились на повозки и выезжа-
ли. Встоду слышались плач. Разно

плакали жёны и дети. Матери благословляли своих сплосей, обнимали и горько плакали.

Через несколько минут отпустила площадь, отпустила село.

Отец Павел, Старшина Кокорин, Церковный Староста Просеклов пошла в Церковь. За ними, подхватив иконы, пошли и певчие. Врасейко и Тринько маляко несли два педрука много капальенных монитанси.

Первая мобилизация, первый мобилебен данн блестающие фоходы православной Церкви, из которых первая фред пойдит отцу Павлу в Каринян.

На второй день было объявлена мобилизация лошадей.

Селем Курсаитович Тахонов, как специалист по отбору лошадей на войну, был срочно вызван в волостное правление, он сидел у Старшиина в кабинете и закончил с ним рукопись.

В волостном правлении не было предвзятельного учета лошадей подлежащих мобилизации. Однако из Чезда предписывалось выбирать лошадей на войну самых лучших. Лучшие для артиллерии, кавалерии и обозов первого и второго разрядов. Поэтому лошадей было приведено бесчисленное число.

Во дворе под навесом утпавлен стала для работы комиссия, за которой сидели Старшиина Корорни и волостной писарь Плотников. А Селем Курсаитович уже держал в руках мерку, приготовившись к приему лошадей.

Первыми привели лошадей Кругляны.

— Ну-е Кругляны, как первыми привели, тогда и начинай с вас. Давайте же подвозите своих лошадей, — растопырил Корорни.

Старосты Кладуков Иван Андреевич

быстро засуетились и начали выживать:

— Поданов Варим Иванович! Подводи
те своих лошадей!

Варим Иванович только вкосо прово-
дил на войну четверек сеновой, а сегодня при-
вел лошадей.

— Мерещ, масти вороной! Семь лет!
Вот два аршина и пять вершков! Тоден в
артиллерию! — выкрикивал Семен Карсаитсе-
ва.

Волостной писарь Плотников все эти
данные записывал в ведомости.

— Это тоже ваша лошадка? — спро-
сил Семен Карсаитсевич у Варима Ивановича.

— Да, моя.

— Мерещ, масти каурой! Шесть лет!
Вот два аршина — четыре вершка! Тоден
в артиллерию!

— И это тоже ваша коня?

— Это моя.

— Сколько же вы их привели?

— Три.

— Мерещ, масти рыжий! Семь лет!

Вот два аршина, пять вершков! Тоден
в артиллерию! Вот так Варим Ива-
нович. Все ваши три коня записаны в
артиллерию. Завтра их поведете в